

К ВОПРОСУ О МЕТАФИЗИКЕ

С.Ф.Васильев

Оппозиция «диалектика – метафизика» прочно утвердилась в традиции советской философской мысли. Поэтому, когда многие представители философствующего сообщества отказались от марксизма и отвернулись от диалектики, была предана забвению и ее противоположность – метафизика. Некоторые критики марксизма, впрочем, и до перестройки подвергали сомнению само существование метафизики как антипода диалектики. Б.П. Вышеславцев писал, что «Противоречие метафизики и диалектики, в котором диалект воспринимает несчастью мысль Энгельса, лишено всякого основания. И, прежде всего, потому уже это противопоставление не внушает доверия, что все великие диалектики были метафизиками и часто даже мистиками (например, Плотин, Прокл, Дионисий, Скот Эриугена, Эккехардт, Николай Кузанский, Яков Беме, наконец, Фихте, Шеллинг и Гегель). Но главное не в этом: Энгельс совершенно не понимает, что такое метафизика, и определяет ее такими чертами, под которые не подходят самые значительные и влиятельные метафизические системы.

Метафизики будто бы рассматривают природу как «случайное скопление изолированных предметов», как «состояние покоя и неподвижности», как «простой процесс роста», как «движение по кругу»; прямо противоположными чертами можно охарактеризовать большие метафизические системы от Платона, Плотина, Аристотеля до Лейбница, Шеллинга и Гегеля, и, наконец, до Бергсона и Лосского: они утверждают всеобщую связь явлений (конкретное всеединство бытия), непрерывную динамику развития и непрерывное движение от низшего к высшему («Диалект», стр. 4—6)» [1, с. 36 – 37].

Это заставляет нас заново осмыслить и попытаться более точно понять, что же такое метафизика. Естественно, выяснение этого вопроса мыслимо лишь в сопоставлении с антиподом метафизики – диалектикой. Таким образом, говоря о метафизике, мы, косвенно, подбираемся и к существу диалектики.

В классической философской литературе есть два главных образа метафизики как антипода диалектики. Это концепция метафизики, развитая Гегелем и характеристика

метафизического способа мышления, данная Ф.Энгельсом.

Гегель, собственно, и ввел в научный обиход термин «метафизика» для обозначения противоположности диалектике. Очень часто он говорит о «старой метафизике», имея в виду новоевропейскую метафизику докантовского образца. Вместе с тем он подчеркивает и сущностный момент метафизики, несводимый к чисто историческим обстоятельствам. «Однако эта метафизика есть нечто минувшее лишь с точки зрения истории философии, сама же она, вообще говоря, всегда и повсюду существует как *чисто рассудочное воззрение* на предметы разума [4,с.134].

Согласно Гегелю способ мышления метафизики и эмпиризма один и тот же, различие – в материале. У эмпиризма конечный материал, у метафизики – бесконечный [4,с.151]. «Предметами этой метафизики были, правда, тотальности, которые в себе и для себя принадлежат разуму, мышлению *конкретного* в себе всеобщего – *душа, мир, бог*». [4, с. 137].

Важно, что предметом как метафизики, так и диалектики, по Гегелю, является разумное, бесконечное, истинное. Однако трактуют этот предмет они по-разному. И эта трактовка непосредственно связана с трактовкой природы противоположностей.

Метафизическое или рассудочное мышление есть, по Гегелю, конечное мышление. Конечно то мышление, которое останавливается на ограниченных определениях как на чем-то последнем. «Конечным называется, выражаясь формально, то что имеет конец, то, что есть, но перестает быть там, где оно соприкасается со своим другим и, следовательно, ограничено последним. Конечное, таким образом, состоит в отношении к своему другому, которое является его отрицанием и представляет собой его границу» [4,с.135]. Конечные определения рассудка, доведенные до крайности, превращаются друг в друга. Что же это за конечные определения? Это не что иное как противоположности. *Метафизика есть определенное толкование противоположностей*. Она рассматривает их как в самих себе истинные, прочные, фиксированные в своих границах, «нечто спокой-

но пребывающее в своей противоположности» [4,с.280]. Гегель пишет, что метафизика рассматривает различное как равнодушное, изолированное, безразличное друг к другу. Диалектика же, должна снять это равнодушие и раздельность противоположностей. Она выставляет полярную противоположность против голыи разности. Обычное расщудочное познание находит первоначально противоположные определения как нечто изолированное, как прочные предпосылки, и старается придержваться их во что бы то ни стало.

Метафизика «упорствует в своих разделениях». Она рассматривает противоположности в отрыве друг от друга. «Мы думаем, что они отделены друг от друга бесконечной пропастью, так что противоположные друг другу определения никогда не могут соприкоснуться» [4, с. 140]. Диалектика рассматривает противоположности как находящиеся во внутренней, существенной, «интимной» связи друг с другом. «Вообще в противоположности различное имеет в качестве противостоящего себе не только *некое* другое, но *свое* другое... Они находятся в существенном отношении друг с другом, и одно существует лишь постольку, поскольку оно исключает из себя другое и именно через это соотносится с ним» [4,с.279]. Конечно, при этом противоположности надо понимать динамически – как нечто устремленное к своей противоположности, «они сами в себе суть некоторый переход» [3,с.298].

Поскольку метафизика рассматривает противоположности в оторванности друг от друга, как застывшие определения, стремится удерживать их от соприкосновения, то она отвергает противоречие как нечто невозможное и алогичное. Поэтому противоречие есть, для метафизика, субъективное заблуждение, результат ошибки. Метафизика отрицает *действительность* противоречия. Диалектика же рассматривает противоречия как необходимый элемент всякого понятия, всякого мышления. Противоречие, согласно диалектике Гегеля – корень жизни.

Для метафизического мышления характерно застывание в абстрактных, односторонних определениях. Принцип метафизики – абстрактное тождество, абстрактная всеобщность, не имеющая внутренней связи с особенным. Диалектика, напротив, есть утверждение конкретного единства противоположностей. Она же есть утверждение конкретно всеобщего, содержащего в себе особенное.

Способ мышления метафизики, по Гегелю, состоит в приписывании предмету предикатов без связи друг с другом. Причем, поскольку предикаты противоположны и исключают друг друга, приходится мыслить по принципу: или – или. Их равноценность и противоположность и вызывает необходимость вопроса – какое из них есть истинное понятие? Приходится принимать одно и отбрасывать другое. Поэтому Гегель характеризует метафизику как догматизм. «Но догматизм в более узком смысле состоит в том, что удерживаются односторонние рассудочные и исключаются противоположные определения» [4,с.139]. Метафизик склонен считать, что лишь одно из двух противоположных определений истинно относительно данного предмета.

Существенным недостатком метафизики, по Гегелю, является то, что она не исследовала, насколько истинны противоположные понятия сами в себе. Для нее вставал лишь вопрос только о том, какое из противоположных определений применять в данном конкретном случае (нл-3-185-186). Диалектика же анализирует сами по себе определения мышления. Она ставит вопрос: не является ли истиной обеих противоположностей нечто третье? Заслуга кантовской философии, по Гегелю, в том, что она «дала толчок к восстановлению логики и диалектики в смысле рассмотрения *определений мышления в себе и для себя*» [3,с.298]. В этой связи стоит привести слова Ф.Энгельса о предпосылке диалектического мышления: «диалектическое мышление – именно потому, что оно имеет своей предпосылкой исследование природы самих понятий, - возможно только для человека, да и для последнего лишь на сравнительно высокой ступени развития (буддисты и греки), и достигает своего полного развития только значительно позже, в новейшей философии» [7,с.191]. Получается, что истинный предмет разума (диалектики) - определения мышления (противоположности) во внутренней связи друг с другом, и содержание его имеет значение только через них.

Метафизика признает и связь определений. Но это чисто внешнее, случайное объединение, которое не учитывает внутреннюю связь определений. Поэтому приписывание предикатов предмету носит внешний характер. При диалектическом же способе рассмотрения предмет определяется сам из себя. Причем на первый план выступает внутренняя, существенная связь предикатов.

Согласно Гегелю, метафизика как конечное мышление неадекватна своему предмету – бесконечному. Поэтому диалектический разум борется с односторонним метафизическим рассудком. Разум должен разрушить неподвижные границы понятий, разложить различия, выйти за пределы противоположностей. С другой стороны он должен восстановить положительное как синтез. Снятие переступает порог рассудочного «или-или» и находит, что предмету с необходимостью присущи оба противоположных определения.

Впрочем и сама метафизика наталкивается на свои границы. При соотнесении противоположных определений их скрытое противоречие, их столкновение, заряженность на борьбу выступает наружу [2, с.99]. Таким образом, сам рассудок необходимо впадает в противоречия. Сами рассудочные определения как конечные, лишены в себе устойчивости, шатки и саморазрушительны. Философия Канта ценна для Гегеля тем, что она дошла до осознания неизбежности возникновения противоречий, антиномий в мышлении. Стирание различий приводит к расплывчатости понятий, к подвижности смысла.

Достигнутый диалектический синтез противоположностей есть органическое их единство. Он есть третья, возвышающаяся над своими сторонами, как их общая истина. Противоположные определения в этом единстве не могут быть теми же, что и вне единства. Они должны «несколько пострадать в своем определении» [4, с.235]. Синтез не отрицает динамической природы противоположностей, он, наоборот, включает ее в себя. Гегель пишет, что синтез «не третья, находящаяся в состоянии покоя, а есть в качестве этого единства опосредствующее себя с самим собой движение и деятельность» [3, с.303].

Нельзя не отметить, что Гегель не отвергает метафизику абсолютно. Она для него *относительно* правомерна. У метафизики есть сфера, где она вполне уместна, так сказать, находится у себя дома. «Относительно конечных вещей несомненно, что они должны быть определяемы посредством конечных предикатов, и здесь рассудок и его деятельность оказываются на своем месте. Он, будучи конечным, познает соответственно природу одного лишь конечного» [4, с.137]. Рассудок правомерен в области конечного, но терпит поражение в области бесконечного. Кроме того, рассудочное познание есть необходимый этап или элемент постигающего мышления. Поэтому Гегель высшей истиной счи-

тает дух как рассудочный разум или разумный рассудок. «Этот дух отрицает простое и тем самым полагает определенное различие, которым занимается рассудок; он также разлагает это различие, тем самым он диалектичен. Однако он не задерживается на этом нулевом результате, а выступает в нем и как нечто положительное, и, таким образом, восстанавливает первоначальное простое, но как всеобщее, которое конкретно внутри себя» [2, с. 79].

Что касается применения диалектики к познанию природы, то надо принять во внимание неистинный, по мнению Гегеля, характер ее существования. Природа недостаточно разумна, она внеположна, ее образования разобщены в пространстве и времени, в ней доминируют внешние отношения. Случайность и извне-определяемость торжествуют в природе. Это приводит к тому, что в ней ослаблена необходимая связь абстрактного и конкретного, всеобщего и особенного.

Отсюда становится понятным характерное для Гегеля выражение – «бессилие природы». Это бессилие в смысле разумности. Природа не сводит вместе своих мыслей. «В том-то и состоит бессилие природы, что она оставляет определения понятия лишь абстрактными и отдает разработку особенного внешним определяющим моментам» [5, с.37]. Природа бессильна сохранить понятие в его конкретных осуществлениях. В качестве примера неразумности природы Гегель приводит трудность установления твердых отличительных признаков классов и порядков. Наличие промежуточных и неудачных образований смазывает логику разделения классов.

Внешность как существенное свойство природы заставляет Гегеля отрицать возможность ее самостоятельного развития. Развиваться может только нечто внутреннее – идея, дух. «Здесь нет естественного процесса порождения, а есть лишь порождение в лоне внутренней идеи, составляющей основание природы. *Метаморфозе* подвергается лишь понятие как таковое, так как лишь его изменения суть развитие» [5, с. 33]. Ступени, которые можно выделить в природных процессах не есть ступени временного процесса. Это лишь подразделения идеи, получившие самостоятельное существование. «Понятие осуществляет всеобщим образом и сразу все особенности» [5, с.34]. Гегель выступает против представления о том, что роды развиваются постепенно во времени. Тем более что

чисто временное различие, по его мнению, не представляет особого интереса.

Так же восстает Гегель против понимания развития как чисто количественного изменения. Здесь можно вспомнить Ленина с его двумя концепциями развития. Постепенное изменение, по мнению Гегеля, ничего не объясняет. Эволюции как процессу возникновения высшего из низшего он предпочитает эманацию, которая производит низшее из высшего путем последовательного ухудшения. Впрочем, в конце концов, он приходит к выводу о необходимости синтеза, взаимного проникновения эволюции и эманации [5, с.41].

Таким образом, диалектика в познании природы имеет ограниченное значение в силу особенности свойств самого предмета, недостаточно проникнутого спекулятивной разумностью.

Итак, согласно Гегелю, метафизика есть попытка при помощи конечного мышления постичь истинно-бесконечное, при помощи рассудка постичь объективно разумное. Поскольку разумный предмет раскрывается через противоположности, то метафизика выступает как определенная трактовка противоположностей как таковых. Она приписывает противоположностям свойства раздельности, неподвижности, равнодушия друг к другу. Поэтому она отрицает возможность контакта, взаимодействия противоположностей. Для нее, стало быть, невозможно объективно существующее противоречие. Метафизика стремится к строгим разграничениям и мыслит односторонними определениями по принципу: или – или. В силу этого метафизический способ мышления оказывается неадекватным своему предмету – разумной конкретности, истинной бесконечности. Диалектика же рассматривает противоположности как подвижные части одного единства, находящиеся во внутренней связи друг с другом. Взаимодействие противоположностей – противоречие обладает движущей силой и ведет к развитию. Последнее отражается текущими понятиями, раздваивающимися и синтезирующимися в новое единство. Развитие у Гегеля и есть собственно процесс разделения и объединения противоположностей.

При анализе трактовки метафизики у Ф.Энгельса сразу бросается в глаза ее большое сходство с гегелевским представлением о метафизике. Он противопоставляет метафизическое и диалектическое понимание противоположностей. В метафизике противоположности признаются неподвижными и

обособленными друг от друга. Метафизика мыслит непосредственными, абсолютными противоположностями типа «да – нет». Например, Дюринг, по мысли Энгельса, типичный метафизик. «Как это и подобает настоящему метафизику, он сначала создает между движением и равновесием не существующую в действительности зияющую пропасть, а затем удивляется, что не может найти мост через эту, им же сфабрикованную пропасть». [6, с. 58]

Диалектика же исследует эти односторонние неподвижные определения и подвергает их критике. Она утверждает, что «эти неподвижные противоположности основания и следствия, причины и действия, тождества и различия, видимости и сущности не выдерживают критики, что анализ обнаруживает один полюс уже как наличествующий *in pace* в другом, что в определенной точке один полюс превращается в другой и что вся логика развертывается только лишь из этих движущихся вперед противоположностей» [7, с.173-17]. Стоит подчеркнуть это выражение «не выдерживают критики», оно может быть понято как критика определенного *представления* о природе противоположностей. Это означает, что противопоставление метафизики и диалектики не есть *только* противопоставление двух *методов*, оно есть противопоставление *также* двух *концепций* противоположностей. В пользу такой трактовки свидетельствует и высказывание Энгельса в «Старом предисловии к Анти-Дюрингу О диалектике»: диалектика «представляет *аналог* и тем самым метод объяснения для происходящих в природе процессов развития, для всеобщей связей природы, для переходов от одной области исследования к другой» [7, с.27] (*курсив наш – В.С.*).

Еще один пункт расхождения метафизики и диалектики – отношение к противоречию. По Энгельсу отрицание или принятие существования объективных противоречий в действительности связано с определенным взглядом на эту действительность. «Пока мы рассматриваем вещи как покоящиеся и безжизненные, каждую в отдельности, одну рядом с другой и одну вслед за другой, мы действительно, не наталкиваемся ни на какие противоречия в них... В пределах такого рода рассмотрения вещей мы и обходимся обычным, метафизическим способом мышления. Но совсем иначе обстоит дело, когда мы начинаем рассматривать вещи в их движении, в их изменении, в их жизни, в их взаимном воз-

действию друг на друга. Здесь мы сразу наталкиваемся на противоречия» [6, с.119].

Энгельс, также как и Гегель, признает относительную правомерность метафизики. Он пишет, что диалектика «признает в надлежащих случаях наряду с «или-или» также «как то, так и другое» и опосредствует противоположности» [7, с.181]. Мы хотим обратить внимание на выражение «надлежащий случай». Есть, стало быть, такие случаи, для которых метафизика вполне адекватна. «Разумеется, для повседневного обихода, для научной мелкой торговли метафизические категории сохраняют свое значение» [7, с.181-182]. Энгельс признает также и исторические заслуги метафизики. Греки, с точки зрения диалектики, в целом более правильно смотрели на мир, чем новоевропейская метафизика, но в их взглядах на мир были и недостатки. «Всеобщая связь явлений природы не доказывается в подробностях: она является для греков результатом непосредственного созерцания. В этом недостаток греческой философии, из-за которого она должна была впоследствии уступить место другим воззрениям. Но в этом же заключается и ее превосходство над всеми ее позднейшими метафизическими противниками. Если метафизика права по отношению к грекам в подробностях, то в целом греки правы по отношению к метафизике» [6, с. 340].

Аналогично Гегелю Энгельс отмечает, что следование метафизическому методу приводит в определенных случаях к саморазрушению мышления. Энгельс отмечает, что мысли, как и природные явления движутся в противоположностях, поэтому нельзя удерживать одну какую-нибудь односторонность [7, с.182]. «Если же мы односторонне придерживаемся одной точки зрения как абсолютной в противоположность к другой или если мы произвольно перескакиваем с одной точки зрения на другую в зависимости от того, чего в данный момент требуют наши рассуждения, то мы остаемся в плену односторонности метафизического мышления; от нас ускользает связь целого, и мы запутываемся в одном противоречии за другим» [7, с.141].

У Энгельса встречается определение диалектики как науки о связях. В противовес этому метафизика рассматривает предметы вне внутренней их связи друг с другом. «Для метафизика вещи и их мысленные отражения, понятия, суть отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после дру-

гого и один независимо от другого» [6, с.17]. Для диалектика природа есть великое целое, где все связано универсальным взаимодействием. Поэтому все силы природы, в конечном счете, тождественны и превращаются друг в друга. Это превращение, по мнению Энгельса, лучше описывается подвижными, текучими понятиями диалектики, чем застывшими категориями метафизики.

Здесь речь идет уже не о превращении противоположностей *как таковых*, а о связи предметов, составляющих систему природы. Причем предметы берутся скорее таксономически – как классы, типы природных образований, а не как единичные образования. Противоположности же применяются для осмысления связей *между* предметами. Диалектика «берет вещи и их умственные отражения в их взаимной связи, в их сцеплении, в их движении, в их возникновении и исчезновении» [6, с.18]. Рассмотрение мира как процесса означает раскрытие внутренней связи движения и развития. Причем здесь отмечен и элемент внеположности, случайности. Так, Энгельс пишет о диалектическом понимании истории. «Она...предстала как процесс развития самого человечества, и задача мышления свелась теперь к тому, чтобы проследить последовательные ступени этого процесса среди всех его блужданий и доказать внутреннюю закономерность среди всех кажущихся случайностей» [6, с.19]. Главный интерес диалектики – не эти внешние случайности, а внутренняя разумная связь.

Диалектика есть также учение о развитии. Метафизика же отрицает развитие в мире. Если мы признаем развитие и переход одного в другое, то неподвижные различия и противоположности теряют свой смысл. В этой связи, Энгельс пишет, что абсолютно резкие разграничительные линии несовместимы с теорией развития. Различия сливаются в промежуточных ступенях, в них противоположности переходят друг в друга. В этом случае метафизическое «или-или» уже не работает и приходится использовать диалектическое «и то, и другое». Диалектика рассматривает противоположности как относительные и опосредованные. Стоит отметить, что именно наличие промежуточных ступеней является, по Энгельсу, аргументом в пользу диалектики. Для Гегеля же эти ступени есть выражение неразумности природы и препятствие для разумного, диалектического ее познания.

Поскольку диалектика ведет к признанию действительности как процесса, поэтому и орудия мышления должны быть приспособлены к отражению этого процесса. Значит сами понятия и категории, проникающие в суть предмета должны носить подвижный, текучий характер, должны переходить друг в друга. Метафизика же признает неподвижность и обособленность понятий.

Энгельс противопоставляет свою материалистическую диалектику идеалистической диалектике Гегеля. Для Гегеля вещи были отражением вечной идеи, что, по мнению Энгельса, извращает действительную связь и искажает процесс развития. У Гегеля категории выступают как нечто предсуществующее, а диалектика реального мира – как их простой отблеск [7, с.174]. У Энгельса роль истинного бесконечного, высшей конкретности играет природа как целое, как всеобщая, универсальная связь природных явлений.

Энгельс много говорит о метафизическом методе в естественных науках. Метафизика в естествознании выражалась в представлении об абсолютной неизменности природы. В природе отрицалось изменение и развитие, признавалось только разворачивание в пространстве [7, с.10]. Здесь мы видим сходство метафизической трактовки природы с философией природы Гегеля. Недостаточная разумность природы ведет к ее недиалектичности. Так как, согласно Гегелю, специфику природы составляет ее материальность, внеположность, внешность, то нет внутренней связи *в самой природе*. Природа есть просто *повторение* диалектических ходов божественного понятия, осложненной формой внешности, материальной оболочкой. Природе свойственно не самодвижение, а воспроизведение в материальном виде самодвижения логической идеи. Жизнь и диалектика присущи только идее. Природа же, как таковая есть безжизненный отблеск развития идеи. Согласно Энгельсу предмет диалектики – движущееся вещество [7, с.215].

Разумеется, когда речь идет о неизменности мира, имеется в виду не отсутствие *всякой* изменчивости. Единичные предметы и существа в мире изменчивы и конечны. Отрицать это невозможно. Метафизика начинается там, где *сущности* предметов, составляющие сущность мира в целом берутся как неизменные.

Гегелевская диалектика вносит движение и в мир сущностей. Отсюда понятен упрек Гегелю со стороны П.Д.Юркевича. «Фи-

лософия ищет неизменяемого начала, чтобы снять противоречие, которое заключается в понятии изменяемости, свойственной чувственному миру. К этой же цели стремится и Гегель; он начинает с указания противоречий в понятии *бываемости* или изменения; и он ищет начала, в котором бы снимались эти противоречия. Однако самое это начало подлечит у него вечному изменению. Итак, говорит один критик, вместо того, чтобы уврачевать недуг мира чувственного посредством здравости мира сверхчувственного, который лежит в его основе, Гегель нарочито сообщает последнему болезненный характер первого» [8, с.59].

Итак, еще раз следует подчеркнуть, что различие метафизики и диалектики не есть только различие методов. Это, в первую очередь, различие концепций, относящихся к одному предмету. Этот предмет – мир как целое, высшая конкретность. Эта конкретность раскрывается через противоположности и взаимоотношения между ними. Диалектическая концепция утверждает внутреннюю связь противоположностей, их взаимодействие и превращение в моменты более высокого целого. «Ядро диалектики» – утверждение о единстве противоположностей. По аналогии с этим можно сформулировать «ядро метафизики». На наш взгляд, это – утверждение об изначальной разобщенности противоположностей, о наличии между ними, выражаясь словами Гегеля и Энгельса, «пропасти». Это утверждение является естественной основой метафизического способа мышления, который характеризуется односторонностью, отрицанием действительности противоречия и знаменитым «или - или».

Из ядра метафизики логично вытекает и определение метафизики как учения, отрицающего развитие. Ведь сам процесс развития, как и любого изменения есть *преодоление* жестких различий и разграничений, нарушение себестождественности предмета. И, наоборот, отсутствие развития означает признание различий и противоположностей как вечных и неизменных, не переходимых. Поэтому развитие в метафизике может признаваться лишь как количественное изменение, не переходящее качественные границы.

Если противоположности и различия рассматриваются как неподвижные, то нет перехода, нет внутренней связи предметов друг с другом. Логично, поэтому, определить метафизику как учение об отсутствии внутренней связи между сущностями предметов.

Если рассматривать каждый тип предмета как нечто себестождественное, себе равное, то связь с другими предметами несущественна. И наоборот, утверждение об отсутствии связи различного ведет к отрицанию связи противоположностей, их взаимодействия и взаимоперехода. к отрицанию действительности противоречия.

Если же признавать единство противоположностей, то тем самым признается их контакт, взаимодействие, противоречие. Этот контакт приводит к дифференциации, к усложнению и развитию предмета. Учение о единстве противоположностей есть, таким образом, учение о развитии. Переходы явлений друг в друга через промежуточные звенья создают всеобщую связь природы. Поэтому диалектика есть наука о связи.

Следует остановиться на диалектической трактовке связи и развития. В каком смысле используется понятие «всеобщая связь» в работах Ф.Энгельса? По нашему мнению, речь не идет просто о материальном, физическом взаимодействии. Всеобщая связь означает рассмотрение природы как системы тел, природных образований, связанных друг с другом переходами и процессом развития. Энгельс неоднократно пытается дать набросок этих переходов, этого всеобщего развития [7, с.3-4, 16-23, 221-222]. Но что есть переход? Это изменение сущности, смысла предмета, которое радикально преобразует сам предмет, делает его другим. Это изменение происходит *изнутри* предмета, хотя и совершается при соучастии внешних условий. Таким образом, сущность любого типа природного образования *настроена на превращение* в сущность другого типа образования. Сущность предмета, стало быть, текуча. Речь, таким образом, идет об изменении и превращении смысла, конституирующего данную вещь. Всеобщая связь природы есть, таким образом, смысловая связь. Это единство, развернувшееся, или развертывающееся, в многообразии. Понятие связи и развития, взятые в диалектическом смысле, сливаются. Энгельс так и пишет: «теперь в природе выявлена всеобщая связь развития» [7, с.216].

Критикуя взгляды Лайеля Энгельс замечает: «Для него не существует охлаждения Земли, Земля не развивается в определенном направлении, она просто изменяется случайным, бессвязным образом» [7, с.13]. Для развития важна именно *внутренняя связь* стадий и форм. Такая связь обеспечи-

вается посредством дифференциации. Мы хотим обратить внимание на частое употребление Энгельсом понятия «дифференциация» для характеристики процесса развития. Так он говорит, что при охлаждении Земли был достигнут тот пункт, «с которого начинает давать себя знать химическое сродство, когда химически индифферентные до тех пор элементы химически дифференцируются один за другим, приобретают химические свойства и вступают друг с другом в соединения» [7, с.16]. Характеризуя эволюцию живой природы Энгельс отмечает, что «из первых животных развились, главным образом, путем дальнейшей дифференциации, бесчисленные классы, отряды, семейства, роды и виды животных» [7, с.17]. Энгельс говорит о дифференциации человека благодаря труду [7, с.4]. «И человек возникает путем дифференциации, и не только индивидуально, - развиваясь из одной-единственной яйцевой клетки до сложнейшего организма, какой только производит природа, - но и в историческом смысле. Когда после тысячелетней борьбы рука, наконец, дифференцировалась от ноги и установилась прямая походка, то человек отделился от обезьяны...» [7, с.18]. Дифференциация свойственна и всей материи в целом. Энгельс размышляет о том, сольются ли в будущем все бесконечно разнообразно дифференцированные силы природы в одну силу притяжения [7, с.20]. Он приходит к выводу, что если материя имела только один раз «возможность дифференцировать свое движение и тем самым развернуть все богатство этого движения», то это равнозначно утверждению, что материя смертна, а движение преходяще. Превращения движения внутренне присущи вечной материи. Более того, Энгельс утверждает, что «процесс органического развития как отдельного индивида, так и видов путем дифференциации является убедительнейшим подтверждением рациональной диалектики» [7, с.174].

Почему же дифференциация играет такое значение? По существу это процесс порождения и увеличения различий, увеличения сложности как внутри данного единичного предмета, так и в таксономическом смысле – как порождение многообразия форм существования данного предмета. Дифференциация – это прирост и обогащение реальности. Причем достижение более высокой ступени развития, нового уровня существования предмета создает возможности для новой, более

богатой дифференциации. Сам процесс развития как нарастание ступеней может рассматриваться как дифференциация на ступени. С другой стороны, дифференциация есть развитие многообразия, качественное и количественное его увеличение.

Как возможна дифференциация? Какую роль здесь играют противоположности? Нам представляется, что именно игра противоположностей, их различные соединения и сочетания и является первоисточником происхождения разнообразия, источником дифференциации. Эту идею использует Ф.Энгельс, когда пытается вывести все многообразие природных форм из взаимодействия первичных противоположностей материи – притяжения и отталкивания. «Таким образом, мы имеем теперь уже не две простые основные формы притяжения и отталкивания, а целый ряд подчиненных форм, в которых совершается процесс универсального движения, развертываясь и свертываясь в рамках противоположности притяжения и отталкивания... Эти формы сами доказывают своим действием, что они являются формами одного и того же движения, ибо при известных обстоятельствах они переходят друг в друга» [7, с.58].

Таким образом, именно единство и взаимодействие противоположностей приводит к дифференциации, возникновению более высоких форм существования предмета, иными словами, к развитию. Развитие и создает всеобщую связь в природе различных классов вещей. Получается органическая

связь трех определений диалектики. Диалектика, во-первых, есть учение о единстве противоположностей, во-вторых учение о развитии через дифференциацию и, в-третьих, учение о всеобщей связи. Метафизика же, во-первых, есть учение о разобщенности противоположностей, во-вторых, учение, отрицающее развитие сущностей, в-третьих, учение, отрицающее внутреннюю связь сущностей. Контрастное сопоставление двух учений позволяет более глубоко понять внутреннюю связь их существенных характеристик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вышеславцев Б.П. Философская ницета марксизма // Вышеславцев Б.П. Сочинения. – М., 1995.
2. Гегель. Наука логики. В 3-х т. – Т.1. – М., 1972.
3. Гегель. Наука логики. В 3-х т. – Т.3. – М., 1972.
4. Гегель. Энциклопедия философских наук. – Т.1. – Наука логики. - М., 1975.
5. Гегель. Энциклопедия философских наук. – Т. 2. – Философия природы. – М., 1975.
6. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. – М., 1983.
7. Энгельс Ф. Диалектика природы. – М., 1987.
8. Юркевич П.Д. Идея // Юркевич П.Д. Философские произведения. – М., 1990.